

Kultenko V. P., PhD, Associate Professor of Philosophy at the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), kultenko@ukr.net

Gnatjuk T. A., student of economical faculty of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), tanyagnatyuk97@yandex.ua

The phenomena's of the meaning of life, death and immortality in retrospect world philosophical thought

The article examines the phenomena's of the meaning of life, death and immortality in the context of the Western philosophical tradition. Contexts are identified and features interpretations of these problems in different cultural and historical periods – from antiquity to the present. In particular, they looked ancient philosophy in connection with the problem of good and moral virtues. Eschatological aspects of meaning being considered in medieval philosophy. During the Renaissance and in modern European philosophy it acquires rational and ethical connotations, existentialist question the integrity of human existence as a result transcends considered the nature of human existence. In postmodern studies of the meaning of life and Tanat's issues analyzed in the context of socio-cultural situation. The article proposes an existential approach to understanding how human beings actually transcends being. Revealed religions opportunities to meet the eternal human desire completeness and integrity of its existence.

Keywords: the meaning of life, death, immortality, human existence, transcends, integrity of life.

Кульченко В. П., кандидат философських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природопольовання України (Україна, Київ), kultenko@ukr.net

Гнатюк Т. А., студентка економічного факультета, Національний університет біоресурсів і природопольовання України (Україна, Київ), tanyagnatyuk97@yandex.ua

Феномени смысла жизни, смерти и бессмертия в ретроспективе мировой философской мысли

Исследуются феномены смысла жизни, смерти и бессмертия в контексте западноевропейской философской традиции. Выявляются контексты и особенности толкования данных проблем в различные культурно-исторические периоды – от античности до наших дней. В частности, в античной философии их рассматривали в связи с проблемой блага и нравственных качеств. Эсхатологические аспекты смысла бытия рассматривались в средневековой философии. В эпоху Возрождения и в новоявропейской философии она приобретает рационально-этические коннотации, экзистенциалисты вопрос целостности человеческого существования рассматривали как результат трансцендирующего характера человеческого бытия. В постмодернистских исследованиях смысл жизни и танатологическая проблематика анализируются в контексте социокультурной ситуации. В работе предлагается экзистенциальный подход к пониманию человека как существа, трансцендирующего собственное бытие. Выявляются возможности религий удовлетворить извечное человеческое стремление к полноте и целостности своего существования.

Ключевые слова: смысл жизни, смерть, бессмертие, человеческое существование, трансцендирование, целостность бытия.

* * *

УДК 141.32

Громова О. В.,
соискатель кафедры философии,
Днепропетровский национальный университет
им. Олеся Гончара (Україна, Днепропетровск),
olga.v.gromova@gmail.com

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА ДЕСТРУКТИВНОГО ОДИНОЧЕСТВА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Рассматривается онтологический, сущностный анализ феномена деструктивного одиночества. Актуальность данной темы определена тем, что феномен сложен, многогранен и имеет свойство видоизменяться. В современном научном знании нет единства мнений не только по поводу его определения, но и по поводу его трансформации и развития. В работе использованы методы, обусловленные экзистенциальной парадигмой. Полученные результаты позволяют утверждать, что имеются подтверждения негативного влияния одиночества на мироощущение и смысловые структуры личности, что создает для субъекта значительные трудности. Также выделены факторы, влияющие на появление этого специфического состояния, которое по-разному воспринимается разными людьми. Проведен анализ и раскрыто содержательное наполнение понятия «деструктивное одиночество». Рассмотрены взгляды

на одиночество таких авторов, как Ф. Ницше, Э. Фромм в сопоставлении с мнениями экзистенциальных аналитиков – И. Ялома, Р. Мэя. Выводы: сегодня изучение проявлений одиночества приобретает междисциплинарный характер и основывается на стремлении понять принципы и закономерности этого явления. Поскольку мы наблюдаем эпидемию одиночества, актуальным и важным является поиск выхода из этого тяжело переживаемого состояния.

Ключевые слова: одиночество, феномен одиночества, деструктивное одиночество, экзистенциальное одиночество, изоляция, страх, экзистенциальный смысл, экзистенциальный анализ.

(стаття друкується мовою оригіналу)

В сегодняшней повседневности, разрушаемой на ментальном уровне процессами всеобщей глобализации, разговор о сущностных структурах человеческого сознания и человеческих отношений становится редкостью. Напротив, мы вынуждены наблюдать интеллектуальную редукцию, массовое огрубение нравственных и эстетических потребностей людей. Необходимость соучастия в насыщенной, но часто бессмысленной ежедневной деятельности, поиск выхода из, зачастую, неразрешимых противоречий создают для личности не только эмоциональные и физические перегрузки, но и ощущение абсурдности, потери ценностных смыслов и идентичности. Описанный факт формулирует комплекс философско-психологических проблем, демонстрируя людям их неготовность в невероятном темпе корректировать свое мышление и деятельность так, чтобы соответствовать фрагментарной действительности и резко меняющимся условиям мира.

Оказываясь чуть ли не постоянно во фрустрированном состоянии, человек бессознательно раз за разом прожигает отчуждение от самого себя. Это неизбежно рождает негативизм. Внутреннее ощущение собственной незащищенности, бессилия, потерянности, разочарования упирается во внешнюю обособленность от мира. Не имея возможности сохранить в мире свою духовную, глубинную, уникальную индивидуальность, человек «уходит» в одиночество, болезненным образом «закрывая» себя от мира. Так рождается феномен деструктивного одиночества.

Переживание деструктивного одиночества становится в жизни человека одним из самых серьезных испытаний, перерастая сегодня в распространенное явление, которое не имеет возрастных или классовых границ. Эта форма одиночества становится маркером именно современного мира. Такое одиночество проявляется не только как социальная абстиненция, но и как смыслообразующая, духовная травма. Оно не может быть приравнено только лишь к состоянию физической изолированности. Корнем слова «одиночество» является «один». Но быть одиноким вовсе не означает быть одному. Сегодня аксиомой стало признание того факта, что физическая изолированность человека совершенно необязательно соседствует с одиночеством. Часто люди оказываются одни и при этом не ощущают себя одинокими и, напротив, можно остро почувствовать себя одиноким в толпе. Переживающий патологическое одиночество человек может быть окружен множеством людей. Даже внешне, в речевых и эмоциональных проявлениях, состояние деструктивного одиночества часто выглядит совсем не так, как мы себе это можем представить, и другому трудно предположить, что тот или иной человек чувствует себя очень одиноким.

Появление травмирующего чувства одиночества на глубинном уровне определено столкновением двух наших внутренних потребностей. По мнению И. Ялома

«в течение нашей жизни в нашем внутреннем мире существует диалектика двух потребностей – отделенности и автономии, с одной стороны, и защиты и слияния, с другой, – и встречи со страхом, сопутствующим каждой из них [...] [1, с. 96]. Одиночество, экзистенциальное одиночество [...] распространяется намного дальше, чем обыкновенное социальное одиночество. Это одиночество, связанное с отделенностью не только от людей, но также и от мира, каким мы его обычно воспринимаем» [1, с. 146]. В процессе обыденного, повседневного существования мы соотносим восприятие самих себя с нашим восприятием окружающего мира. И проживаем свое индивидуальное экзистенциальное состояние в контексте сложных социальных взаимосвязей. Появление чувства одиночества говорит о нарушении этой структуры. Как симптом в данном случае может выступать диффузная нехватка чего-то важного, неосознаваемое чувство потери, крушения, потребность быть включенным в какое-то сообщество или просто необходимость контактировать с кем-либо. Также феномен одиночества может быть скрыт за осознанием своей обособленности и неприятия тебя другими. Это проживается как комплексное чувство, которое связывает воедино нечто утраченное во внутреннем мире личности. При этом мы испытываем ощущение лишения, что может привести к настоящему расколу личности, особенно – в интересующей сфере. Таким образом, целью статьи является проведение онтологического, сущностного анализа феномена деструктивного одиночества.

Специфической и выразительной чертой деструктивного одиночества является особое чувство погруженности в себя. Это состояние не похоже на какие-либо иные ощущения. Оно проживается как целостное, всеохватывающее и несет на себе отпечаток индивидуальной экзистенции субъекта. В наиболее общем виде это чувство выражает определенную форму самовосприятия и самосознания, которая выступает своего рода свидетельством разрыва не только внешних отношений, но и связей внутреннего мира, в то время, как надежда человека, его ожидания ориентированы на согласованность и связь. Этот особый вид самосознания играет исключительно важную роль, когда затрагивает самые сокровенные чувства человека. Одиночество служит источником разочарований и крушения надежд, заставляя чувствовать себя покинутым, обделенным, никому не нужным. Все эти переживания весьма болезненны и неприятны. «Надежда требует того, чтобы ее разделяли, чтобы к ней кто-то был причастен. Социализация содействует ощущению соотнесенности и соучастия; строя свои планы на будущее, мы заранее предвидим общение» [2, с. 26]. Одиночество возникает из разрыва связей или их полного отсутствия, а как наши обычные надежды, ожидания сориентированы на согласованность, соединение, связь. Таким образом, тяжелая форма одиночества фактически означает беспорядок и пустоту. Это вызывает индивидуальное чувство бесприютности, ощущение того, что человек везде «не на своем месте».

У. Садлер и Т. Джонсон в своей работе «От одиночества – к аномии» писали: «Чтобы обнаружить физическую изоляцию, достаточно иметь одни глаза, но чтобы узнать одиночество, необходимо испытать его» [2, с. 21]. И действительно, одиночество считают чувством чисто субъективным и очень личным, нередко – даже уникальным. Люди часто жалуются, что их одиночество

особенно сильное, не такое, как у всех... «Ничье одиночество не похоже на мое». Достоверность таких замечаний и убежденность в особом, уникальном характере любого одиночества подтверждается также и примерами из психотерапевтической практики. Одиночество каждого субъекта действительно артикулируется различно, каждый выбирает индивидуальный способ выражения и индивидуальные методы борьбы с этим непереносимым чувством. А поскольку правдиво утверждение уникальности его переживания каждым, то фактически нет возможности дать рекомендации по выходу из этого состояния. С одной стороны, никто не может пережить мое одиночество за меня, и потому никто не может понять, что чувствую я, когда нахожусь в этом состоянии. С другой стороны, это состояние динамическое, и мои эмоции постоянно видоизменяются, создавая новые ощущения и условия моего одиночества.

Эмоциональную изоляцию выносить трудно любому человеку, однако для некоторых она становится бедствием, особенно если совпадает с мрачными предчувствиями и опасениями на свой счет. Такой конфликт неизбежно окрашивает мир в негативные тона. Реальность начинает восприниматься как малозначимая, лишённая смысла и ценности. Человек ощущает себя брошенным, что проживается им как особая форма наказания именно на фоне существовавшей у него ранее надежды на сближение. Об этом, наверное, лучше других сказал Ф. Ницше: «Ужасно быть лицом к лицу с судьёю и мстителем собственного закона. Так бывает брошена звезда в пустое пространство и в ледяное дыхание одиночества. Сегодня ещё страдаешь ты от множества, ты, одинокий: сегодня ещё есть у тебя всё твоё мужество и твои надежды. Но когда-нибудь ты устанешь от одиночества, когда-нибудь гордость твоя согнётся и твоё мужество поколеблется. Когда-нибудь ты воскликнешь: «Я одинок!» Когда-нибудь ты не увидишь более своей высоты, а твоё низменное будет слишком близко к тебе; твоё возвышенное будет даже пугать тебя, как призрак. Когда-нибудь ты воскликнешь: «Всё – ложь!» [5, с. 68].

Отчаяваясь найти жизненный смысл, субъект прибегает к разнообразным способам «ухода», отчуждения от мира и своих ощущений. Деструктивное одиночество выступает своего рода следствием притупления своего осознания бытия. Человек проживает особую форму брошенности, которая, замыкаясь в порочный круг, провоцирует как бы самоустранение личности, независимо от того, кто и что ее окружает. Боязнь снова встретить отказ, натолкнуться на отвержение, когда нужны поддержка и нежность, безусловно, делают непереносимым это переживание. Ф. Ницше говорит: «У одиночества семь шкур; ничто не проникает сквозь них. Приходишь к людям, приветствуешь друзей: новая пустыня, ни одного приветного взора» [6, с. 392].

Одиночество продуцирует обрывочные, нестабильные взаимосвязи. Оно выступает как особое состояние с точки зрения личностного внутреннего времени и слома его восприятия. Субъективное ощущение оторванности от прошлого и непонимания, тревожное чувство душевной «беспризорности», туманности будущего порождает тревогу и страх. Мы реагируем на эту пустоту своим стремлением к истинной близости, к живому общению, надеясь восполнить зияющий в душе пробел новыми связями. Мы хотим отыскать нечто, способное преодолеть

отсутствие причастности нашей духовной деятельности. Даже люди, которые умеют преодолевать сложные жизненные коллизии без особых потерь, признают, что это чувство трудно преодолимое и крайне тяжелое, поскольку усиливает ощущение неестественной пустоты, охватывающей внутренний мир человека. Бинсвангер, к примеру, утверждает, что одиночество может привести к возникновению наиболее пугающего переживания – «голового ужаса» [2, с. 27].

Важное мнение по этому поводу мы находим у Э. Фромма, когда он подробно рассматривает суть ситуаций, приводящих к проживанию человеком ужаса перед одиночеством. Фромм считает, что сама человеческая природа не может быть согласна с изоляцией и одиночеством. Он рассматривает ряд социальных потребностей, которые формируют у субъекта резко отрицательное отношение к одиночеству. В первую очередь, это бессознательная потребность в связях с другими людьми, проявляющаяся потребностью в общении, в самоутверждении, в системе социальных ориентаций. Во-вторых, это потребность обладать самосознанием. В-третьих, необходимость иметь объект поклонения. По мнению Фромма, деструктивность одиночества проявляется фрагментацией личности, ее расколом на дискретные части. Это порождает насилие и анархию, агрессивность, провоцирует терроризм. «Человек одинок, и в то же время связан с другими. Он одинок в той мере, в какой он уникальное существо, не тождественное никому и осознающее себя отдельной особью. Он одинок, когда ему предстоит что-то оценить или принять какие-то решения самостоятельно, силой своего разума. И все же он не может перенести одиночества, обособленности от ближних. Его счастье зависит от чувства солидарности с ближними, с прошлыми и будущими поколениями. К тому же, человек не может жить один, без связи с другими людьми, он должен объединиться с другими для защиты, труда, для сексуального удовлетворения, для игры, для воспитания потомства, для передачи знаний и материальной собственности [...] [7, с. 353]. Полная обособленность непереносима и несовместима с нормальным психическим состоянием» [7, с. 369].

Страх и боязнь остракизма приводят субъекта защитному решению, которое Фромм определяет как «бегство от себя». Это по сути провоцирует еще больший уход в одиночество, приводит к потере себя. По мнению Ролло Мэя, многие из нас «...обладают вполне определенными характеристиками, свойственными современным людям: это одиночество, чувство того, что твоя личность не ценится, и понимание, что ты не способен любить и тебя не любят, несмотря на общие потребности, общие усилия и совместное потребление алкоголя, который дает передышку, но только временную, источники тревоги произрастают из определенных базисных элементов нашей культуры, один из которых, согласно Одену, это принуждение к конформности» [8, с. 32]. Человек теряет способность воспринимать себя как ценное и уникальное существо, и верить в это. Точно так же была потеряна способность верить в других людей, а именно тех, с которыми общаешься, и устанавливать с ними коммуникации на понятийном уровне. Это порождает страх, ощущение небытия. «Возможно, самой распространенной формой неспособности противостоять

небытию в наше время является *конформизм*, когда человек позволяет себе оказаться поглощенным огромным количеством готовых ответов и позиций, быть подавленным *das Mann*, вместе с утратой своего осознания, потенциальных возможностей и всего того, что характеризует его как уникальное и самобытное существо. Таким образом, человек на какое-то время избавляется от тревоги небытия, но ценой лишения возможности чувства бытия» [9, с. 54].

Некоторые до такой степени «страшатся одиночества, что вступают во множество отношений, играя в них зависимую роль и не получая никакого удовлетворения. Они так боятся остаться одни, что больше не в состоянии наслаждаться преимуществами приватности. Их ощущение себя как самостоятельной личности настолько слабо, что мир для таких людей обретает реальность только тогда, когда воспринимается через призму другого человека. [...] Они настолько чувствительны к ощущению заброшенности, настолько боятся быть отвергнутыми, что перспектива одиночества наполняет их ужасом. Другие так болезненно застенчивы, так следят за каждым своим шагом, что, оказавшись в одиночестве. Без конца терзаются мыслями о том, как их воспринимают окружающие: считают ли их недружелюбными, одинокими, жалкими?» [1, с. 343].

«Проблему потери собственного мира, говорит далее Ролло Мэй, – нельзя связывать только с недостатком общения. Ее корни идут дальше социального уровня, они тянутся к отчуждению от природного мира. Это особое переживание изоляции получило название эпистемологического одиночества». Как все сложные и многоуровневые чувства, оно рождается из взаимодействия индивидуальных предрасположенностей и, отчасти, ситуационного контекста. Такое ощущение даже нечасто артикулируется субъектом как одиночество: он только ощущает чувство внутренней деструкции, необъяснимого страха, отчаяния, тревоги.

Одним из критериев переживания деструктивного одиночества становится оторванность человека от смыслообразующих структур: своего сообщества, семьи, исторического и природного контекста. Главное свойство деструктивного одиночества – это абсолютная погруженность человека в свой внутренний мир и всеохватность. Этот необычный вид самосознания играет особенно важную роль, когда затрагивает самые сокровенные чувства человека. Одиночество служит источником разочарований и крушения надежд, заставляя ощущать себя покинутым, обделенным. Но также данное чувство обладает познавательным характером, сообщая человеку о его роли в этой жизни. Иными словами, одиночество – специфический вид самовосприятия и самосознания. При удивительном многообразии своих проявлений все формы одиночества обладают некими общими чертами, которые можно выявить при наблюдении за поведенческой моделью одиноких людей. Продумывая свои планы на будущее, большинство из нас всегда учитывает фактор соучастия и простирает формат возможного общения с другими людьми. Однако одиночество подразумевает разрыв социальных связей, и это вносит диссонанс с наше привычное мироощущение. В крайних случаях одиночество приводит к внутренней пустоте и бесприютности, вызывая тревожное чувство душевной «беспризорности». Ты везде лишний, везде –

не на своем месте! Одиночество влияет и на личностное ощущение времени, способствуя формированию преходящих неустойчивых связей, отражающих не только оторванность от прошлого, но и бездонный провал в будущее, которое становится еще более туманным и неопределенным. Подобная неопределенность пробуждает к жизни беспокойство и даже страх. Человек сталкивается с тем, что страх затягивает его все глубже в механистическую рутину бессмысленности. Оден говорит об этом в «Веке тревоги»: «... Страх, который мы знаем. Это то, что мы не знаем. Принесет ли нам ночь Какой-то ужасный порядок. – Держите про запас оружие В маленьком городе... Обучать ли науке, чтобы знания остались на всю жизнь, Девушек с передовыми взглядами? – Уже поздно. Кто-нибудь спросит нас о чем-либо? Может быть, мы просто Никому не нужны?».

Смысловая парадоксальность информационного общества конституируется в том, что при техническом объединении мы наблюдаем все большее онтологическое разобщение людей. Устрашающий, растущий в геометрической прогрессии информационный поток интернет-содержимого, лишенный разумных пределов и потому изматывающее общение в «виртуальной толпе» не только не уменьшает чувство одиночества, но, напротив, усиливает, обнажает его. В этой толпе субъекту становится все труднее сохранить собственные уникальные характеристики, личную индивидуальность, автономность, независимость суждений, способность к собственной рефлексии. Человек все чаще ощущает свое бытие в мире как не зависящее от него. Деформированная самость рождает бессознательное чувство несвободы. Уверенность относительно подлинности бытия как никогда становится пошатнувшейся.

Выводы и направление дальнейших исследований. Дискуссии о деструктивном одиночестве ведутся в разных гуманитарных направлениях. Философы уделяют внимание изучению феноменологических проявлений, исторической ретроспективе исследований этого явления в разных философских школах, а социальные психологи и психотерапевты обнаруживают угрожающие масштабы фактов одиночества и его последствий среди самых различных возрастных, профессиональных, этнических и социальных групп.

Можем ли мы быть уверены, что видим субъекта таким, какой он есть на самом деле, или мы видим лишь проекцию наших собственных теорий о нем? Важнейшей задачей экзистенциальной феноменологии выступает попытка прояснить и обозначить эти границы. Садлер называет элементарный феномен, который лежит в основе всех переживаний человека личностным миром. Его позиция созвучна с концепцией «жизненного мира» Э. Гуссерля. Попытка осознать фундаментальную целостность личностного опыта обозначает индивидуальный путь человека, который создается комбинацией возникающих экзистенциальных возможностей. Эти возможности и определяют жизненный мир личности – структурированное пространство, в рамках которого события, происходящие с человеком, обретают личностный смысл. Жизненный мир личности нацелен на выполнение четырех основных экзистенциальных возможностей: *уникальность, неповторимость судьбы*, что подразумевает реализацию врожденной «Я», актуализацию его предельной

многозначности; *культура личности*, куда относятся все те традиции, которые формируют важные для индивидуальности ценности и идеи, используемые впоследствии для определения собственных переживаний, характеристики своего существования; *социальное окружение человека*, которое создает организационное поле взаимоотношений с другими людьми и формирует области для участия в группе, ролевого предназначения личности и *восприятие окружающих людей*, с которыми индивид может реализовать отношения «Я – Ты», способные в будущем вылиться в двойную действительность человеческого «Мы». Нарушение в какой-либо из этих экзистенциальных сфер либо во взаимосвязях между ними приводит к обострению внутреннего конфликта. Представители экзистенциальной феноменологии убеждены, что одиночество есть чувство, возникающее из стремления соединить в единое целое нечто, потерянное внутренним миром индивида. При обычных обстоятельствах мы ощущаем сами себя в некоем определенном статусе относительно окружающего мира и воспринимаем собственное состояние в условиях многообразной схемы взаимосвязей. Возникновение чувства одиночества – необычный, патологический статус, верный сигнал, свидетельствующий о нарушениях в данной схеме. Опубликованный 20 марта 2015 г. в «Perspectives on Psychological Science» отчет группы исследователей из Brigham Young University на примере более трехмиллионной репрезентативной выборки убедительно доказывает, что одиночество и социальная изоляция представляют более серьезную угрозу для здоровья и жизни человека, чем даже многие тяжелые хронические заболевания [3, с. 236–237]. А, по мнению Фриды Фромм-Райхман, одиночество способно стать толчком развития тяжелой формы личностного психического расстройства [4], и помочь от одиночества может только любовь, психотерапия и духовные практики. Ялом считает, что у человека могут быть только два способа ограждения себя от «ужаса конечной изоляции»: принятие этой данности, смирение с ней и отношения с другим. Таким отношениям не под силу уничтожить изоляцию, но они делают возможным разделение одиночества с другими людьми, и тогда «любовь компенсирует боль изоляции» [1, с. 52]. Это созвучно М. Буберу, который считал, что «великие отношения пробивают брешь в барьерах возвышенного уединения, смягчая его суровый закон и перебрасывая мост от одного самостоятельного существа к другому через пропасть страха вселенной».

Сегодня мы наблюдаем эпидемию одиночества. И остро стоит вопрос о возможном ее усилении в будущем и о его негативном влиянии на мироощущение личности, поскольку из разряда единичного явления оно переходит в разряд всеобщего. Ф. Фромм-Райхман сказала об этом максимально образно: бессознательно мы все боимся одиночества, и «жуткий призрак одиночества витает над каждым из нас, поскольку все мы можем стать одиночками [...]. Мы бежим от одиночества и чувствуем себя виноватыми» [4]. Вторя словам Т. Вульфа, можно сказать, что одиночество всегда было и остается главным и неизбежным испытанием в жизни человека. Сегодня, как никогда ранее, адаптация к жизни в одиноком мире зависит от наших духовных навыков и ценностных устремлений, от того, что мы думаем о себе и какими суждениями определяются наши действия.

Список использованных источников

1. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия: пер. с англ. [Текст] / И. Ялом. – М.: Независимая фирма «Класс», 2004.
2. Садлер У. А. От одиночества – к аномии [Текст] / У. А. Садлер, Т. Б. Джонсон // Лабиринты одиночества: сб. ст.: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С.21–25.
3. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review Julianne Holt–Lunstad / Timothy B. Smith, Mark Baker, Tyler Harris and David Stephenson // Perspectives on Psychological Science. – March 2015. – Vol. 10, 2. – P.227–237. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pps.sagepub.com/content/10/2/227.full.pdf
4. The Lethality of Loneliness / by Judith Shulevitz, the science editor // The New Republic. – May 13, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://newrepublic.com/article/113176/science-loneliness-how-isolation-can-kill-you
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Текст] / Ф. Ницше // Собрание соч. в 5 т. – СПб.: Азбука, 2011. – Т.3.
6. Ницше Ф. Ecce Homo [Текст] / Ф. Ницше // Собрание соч. в 5 т. – СПб.: Азбука, 2011. – Т.5.
7. Фромм Э. Человек для себя [Текст] / Э. Фромм // Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: Аст, 2006. – С.353–369.
8. Мэй Р. Проблема тревоги [Текст] / Р. Мэй / Пер. с англ. А. Г. Гладкова. – М.: Изд-во ЭКСМО–Пресс, 2001. – (Серия «Психология. XX век»).
9. Мэй Р. Открытие бытия [Текст] / Р. Мэй. – М.: Ин-т Общегуманитарных исследований, 2004.

References

1. Yalom I. Existentsialnaja psihoterapija [Text] / I. Yalom. – M.: Klass, 2004.
2. Sadler U. Ot odinochestva r anomii [Text] / U. Sadler, T. Djonson // Labirinti odinochestva: sb. st. – M.: Progress, 1989. – S.24–29.
3. Loneliness and Social Isolation as Risk Factors for Mortality: A Meta-Analytic Review Julianne Holt–Lunstad / Timothy B. Smith, Mark Baker, Tyler Harris and David Stephenson // Perspectives on Psychological Science. – March 2015. – Vol. 10, 2. – P.227–237 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.pps.sagepub.com/content/10/2/227.full.pdf Checked 11.11.2015
4. The Lethality of Loneliness / by Judith Shulevitz, the science editor // The New Republic. – May 13, 2013. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://newrepublic.com/article/113176/science-loneliness-how-isolation-can-kill-you Checked 11.11.2015
5. Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra [Text] / F. Nietzsche // Sbranie sochinenij v 5 t. – SPb.: Azbuka, 2011 – T.3.
6. Nietzsche F. Ecce Homo [Text] / F. Nietzsche // Sbranie sochinenij v 5t. – SPb.: Azbuka, 2011 – T.5.
7. Fromm E. Chelovek dlja sebja [Text] / E. Fromm // Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebja. – M.: Izdatel'stvo «AST», 2006. – S.353–369.
8. Mej R. Problema trevogi [Text] / R. Mej. – M.: EKSMO–Press, 2001. – (Serija «Psichologija. XX vek»).
9. Mej R. Otkrytie bytija [Text] / R. Mej. – M.: In-t Obschegumanitarnych issledovanij, 2004.

Gromova O. V., competitor of the Department of Philosophy of the Dnepropetrovsk National University of Oles Honchar (Ukraine, Dnepropetrovsk), olga.v.gromova@gmail.com

The ontological aspect of the phenomenon of destructive loneliness in the existential paradigm and analytical practice

The ontological, the essential analysis of the phenomenon of destructive loneliness is analyzed. The relevance of this topic is defined by the fact that the phenomenon is complex, multifaceted and it has the ability to mutate. There is no consensus not only about its definition, but also about its transformation and development in the modern scientific knowledge. We used methods of the existential paradigm in this work. The results allow to say that there is the evidence of the negative impact of loneliness on the attitude and sense of personality structure, which creates considerable difficulties for the subject. Also, the factors influencing the emergence of this particular state, which is experienced differently by different people. The analysis revealed substantive content and the concept of «destructive loneliness» in terms of an existential paradigm. Considered views on the loneliness of authors such as Nietzsche, Erich Fromm in comparison with the views of existential analysts – I. Yalom, R. May. Conclusions: This study manifestations of loneliness becomes interdisciplinary nature and is based on the desire to understand the principles and laws of this phenomenon. As we are seeing an epidemic of loneliness, relevant and important it is to find a way out of this state grieved.

Keywords: loneliness, a phenomenon of loneliness, destructive loneliness, existential loneliness, isolation, fear, existential meaning, existential analysis.

Gromova O. V., здобувач кафедри філософії, Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара (Україна, Дніпропетровськ), olga.v.gromova@gmail.com

Онтологічний аспект феномена деструктивної самотності в екзистенціальній парадигмі та аналітичній практиці

Розглядається онтологічний, сутісний аналіз феномена деструктивної самотності. Актуальність даної теми визначена тим, що феномен складний, багатограний і має властивість видозмінюватися. У сучасному науковому знанні немає єдності думок не тільки з приводу його визначення, але і з приводу його трансформації та розвитку. У роботі використані методи, обумовлені екзистенціальною парадигмою. Отримані результати дозволяють стверджувати, що мають місце підтвердження несамого впливу самотності на світовідчуття і смислові структури особистості, що створює для суб'єкта значні труднощі. Також виділено фактори, що впливають на появу цього специфічного стану, який по-різному сприймається різними людьми. Проведено аналіз та розкрито змістовне наповнення поняття «деструктивна самотність» з точки зору екзистенціальної парадигми. Розглянуто погляди на самотність таких авторів, як Ф. Ніцше, Е. Фромм у зіставленні з думками екзистенціальних аналітиків – І. Ялом, Р. Мей. Висновки: сьогодні вивчення проявів самотності набуває міждисциплінарного характеру і ґрунтується на прагненні зрозуміти принципи і закономірності цього явища. Оскільки ми спостерігаємо епідемію самотності, актуальним і важливим є пошук виходу з цього стану, що дуже складно переживається.

Ключові слова: самотність, феномен самотності, деструктивна самотність, екзистенціальна самотність, ізоляція, страх, екзистенціальний зміст, екзистенціальний аналіз.

* * *

УДК 1(091):165.18

Ільїна Г. В., кандидат філософських наук, доцент, Київський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ), galyna.ilyina@gmail.com

ФІЛОСОФІЯ МІЖ МОВОЮ І ВІЗІЄЮ: «ОКУЛЯРОЦЕНТРИЗМ» В ІСТОРИКО-ФІЛОСОФСЬКІЙ ПЕРСПЕКТИВІ

Розглядається проблема «окулярцентризму» в історико-філософській перспективі. Досліджується візуальна парадигма у філософії у контексті «лінгвістичного» та «візуального» поворотів. З'ясується роль «окулярцентризму» в пізнавальних пошуках філософії.

Ключові слова: окулярцентризм, візуальне мислення, лінгвістичний поворот, візуальний поворот.

Соціальний досвід сучасної людини тісно пов'язаний з візуальністю, яка є джерелом її соціального пізнання. Бути «візуально компетентим» для індивіда означає розуміти та вірно інтерпретувати візуальні образи, в оточенні яких він неминуче перебуває в інформаційному суспільстві, але також – візуального інтелекту та мислення, які демонструють межі та можливості пізнавальних здатностей людини.

Пізнання у західноєвропейській філософській традиції пов'язані з візуальною парадигмою, яка асоціює філософську діяльність з візуальними практиками – «споглядання», «очевидність», «бачення», «теорія», «спектакль», «глядач», «перспектива» та багато інших є традиційним візуальним словником філософії.

Разом із тим, лінгвістична орієнтація філософії минулого століття формує критику «окулярцентризму» та народження «антиокулярцентризму». Панування зору як ключового відчуття, що забезпечує пізнавальні здатності, вступає в конфлікт з «герменевтичними» питаннями: пошук сенсів людського пізнання в його лінгвістичному та соціальному вимірах народжують певну точку напруження. Фактично, у ХХ столітті констатується «лінгвістичний поворот» на протипагу візуальному мисленню у філософії (Г. Арендт), проте ХХІ століття заявляє про «візуальний поворот». Витоки останнього